

Советская трагедия

«Федра. Золотой колос» Андрея Жолдака

Рассказывает Роман Должанский

Об этом режиссере в театральном мире рассказывают всякие небылицы. Одни критики превозносят его до небес как одного из главных новаторов современного театра, а другие винят чуть ли не во всех смертных грехах. Одни по нескольку раз смотрят его спектакли, другие через десять минут после начала действия в негодовании высказывают из зрительного зала и бегут писать возмущенные письма в центральные газеты — чтобы при следующем появлении его имени на афишах немедленно бросаться в кассу за билетом. Одни актеры сломя голову убегают от этого человека после первой же репетиции, но другие вспоминают о работе с режиссером так, как будто это был самый восторженный акт любви в их жизни.

Худруки многих известных московских театров ходят на его спектакли — даже те, кто уже давно вообще никуда не ходит, — но приглашать на постановку остерегаются: а ну как он заставит всю труппу, невзирая на возраст актеров, их почетные звания, партийность и семейное положение, раздеться догола и в таком виде, мужчин и женщин вместе, маршировать минут двадцать по сцене. А ведь он может! Говорят, одной народной артистке он в первой же беседе пообещал побрить ее для спектакля наголо и заставить лаять на зрителей, стоя на четвереньках. После чего в театре о запланированной постановке никто уже и не вспоминал.

В общем, его зовут Андрей Жолдак. Он из Киева, но на Украине сейчас не работает — успел там со всеми поссориться. Жолдак человек яркий, шумный, его всегда и везде с избытком — и в жизни, и на сцене. В его спектаклях сразу чувствуется напор режиссерской фантазии. Энергия бьет через край сцены с невиданной силой и обрушивается на зал чередой театральных композиций, часто не связанных внятными сюжетом, но всегда изумляющих варварской элегантностью и не характерной для сегодняшнего театра витальной силой.

Пять лет назад он поставил в Москве «Опыт освоения пьесы „Чайка“ системой Станиславского», изобретательную и необычную версию чеховского текста. За прошедшие годы Жолдак успел наскандальить гастрольями «Одного дня Ивана Денисовича» и «Гамлета», поработать художествен-

ТРАГЕДИЮ О ЛЮБВИ МАЧЕХИ
К ПАСЫНКУ ЖОЛДАК ПЕРЕСЕЛИЛ
ИЗ ВНЕВРЕМЕННОГО МИФОЛОГИЧЕСКОГО
ПРОСТРАНСТВА В СОВЕТСКУЮ ЭПОХУ

ным руководителем Харьковского академического театра имени Шевченко и быть изгнанным оттуда за безнравственность — власти не допустили премьеры спектакля «Ромео и Джульетта», в одной из массовых сцен которого персонажи красиво вымазывались собственными экскрементами, словно лечебной грязью. Еще Жолдак успел проехать со своими спектаклями по многим фестивалям мира, а в заканчивающемся сезоне налететь на Берлин, поставить во всемирно известном «Фольксбюне» спектакль про современную Медею — и провалиться с треском. Впрочем, критический вердикт «самая увлекательная неудача сезона» тоже ведь далеко не каждый сумеет заслужить.

После мифа о Медее Андрей Жолдак взялся в Москве за миф о Федре, дочери критского царя Миноса и жене Тесея, испытывающей запретную страсть к своему пасынку Ипполиту и совершающей самоубийство. Трагедию о любви мачехи к пасынку Жолдак переселил из вневременного мифологического пространства в советскую эпоху. «Золотой колос», вынесенный в заголовок спектакля, — это санаторий для советской элиты. Чтобы поправить пошатнувшееся здоровье, сюда приезжает жена крупного военачальника Вера Ивановна. Женщина страдает навязчивой идеей — ей кажется, что она Федра. Поэтому все окружающие в ее нездоровом сознании превращаются в персонажей классического мифа. Лечение вроде бы идет своим чередом, но сотрудники здравницы испытывают странные превращения, меняют маски и перестают быть самими собой.

Федру играет Мария Миронова. На этот раз не зрители будут смотреть на нее из зала, а она сама будет смотреть на сцену: Жолдак посадит публику прямо на подмостки Театра наций, а в недоотремонтированном зале развернется действие, часть которого будет проецироваться в режиме реального времени на огромный видеоэкран. Впрочем, какие бы технические новшества Жолдак ни использовал, главные привлекательные особенности его театра лежат в сфере эмоциональной «техники». Для зрителя поход на спектакль этого режиссера — эксперимент, поставленный над самим собой. Наверняка он окажется успешным не у всех. Но рискнуть стоит. Театр Наций, 11 и 12 мая (19.00)